

Таким образом, фетишизация музейного предмета происходит из-за того, что 1960-1980-е гг. XX века сформировалось особенное характерное исключительно для советской, а, потом и для российской действительности отношение к музейному предмету. Главным плюсом в таком эффекте является то, что только в музее (или просто в выставках, проходящих не в музее) исторический источник визуализируется как часть истории (исторического периода). Безусловно, музейный предмет одна из основ музейного дела и музееведения. Однако, у эффекта фетишизации музейного предмета есть и минусы. К ним мы можем отнести: хаотичное и нелогичное использование музейных предметов в исторических экспозициях краеведческих музеев, что, вероятней всего, обусловлено тем, что само нахождение предметов из фондов в экспозиции должно служить самоцелью и не требовать использования дальнейших инструментов работы с историческими документами. Вторым негативным моментом, подобного эффекта можно назвать отсутствие интересного, качественного аннотирования, из-за того, что музейный предмет должен быть информативен сам по себе, одним своим присутствием и нахождением в системе музейной экспозиции. На наш взгляд, культивирование музейных предметов эффективно лишь для внутренней работы, для получения эффекта восхищения перед историей у музейных сотрудников (которое подчас исчезает после работы с историческими источниками длительное время). Представление музейного предмета не должно быть самоцелью, потому что экспозиция, которая является главным результатом музейной работы это организм и система, которая не может функционировать исключительно на предметной основе.

Библиографический список

1. В общей сложности нами были изучены пять Книг жалоб и предложений (далее – Книги) музеев Самары, Ульяновска и Пензы, а также 30 изданий краеведческой направленности. Каждое издание включало от 10 до 25 статей исторической, краеведческой и музейной тематики. Основным критерием отбора статей в изданиях и комментариев в Книгах было использование понятия «музейный предмет».

Д.Ф. Графова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

АГРАРНЫЕ БЕСПОРЯДКИ В СЕМАНТИКЕ И СЕМИОТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА НАЧАЛА XX ВЕКА

Содержание политического диалога в начале XX века в России определялось стремлением различных социальных групп, претендовавших на

политический статус, изменить патримониальный характер российского самодержавия. Вызванные к жизни эманациями властной воли в эпоху Великих реформ, эти общественные страты, — получившие собирательное название интеллигенции, — так и не были включены в структуру имперской организации, что обрекало их на маргинальное существование, вырождение и деградацию. Опыт для России не уникальный: стрельцы, опричники, лашманы, являлись из народных недр по велению государей и исчезали в небытии после того, как пропадала в них нужда. Однако, роль, отведенная образованным людям в проектах «просвещенных бюрократов», далеко выходила за рамки сиюминутных прихотей империи: принимая на себя государственные задачи, бизнесмены, адвокаты, земские врачи и учителя должны были, по логике вещей, занять свое место в административной структуре Российской империи. Но проблема заключалась в том, что места эти не были предусмотрены в новом общественном устройстве страны. Альтернативой чинам и рангам, — в соответствии с Программой М.Т. Лорис-Меликова, представленной им Императору в докладе от 11 апреля 1880 года, — должны были стать частная собственность и гражданские права.

Однако убийство Александра II и последовавшее за ним «водворение порядка и правды» [1, с. 234] исключили возможность реализации этого проекта, что, впрочем, не отменяло необходимости его воплощения в условиях модернизирующегося общества, где выразителями либеральных идей неожиданно оказались представители аристократии, предводительствуем некоторыми членами императорской фамилии, страдавшие от условностей и сословных ограничений.

Принимая во внимание то обстоятельство, что единственной дискуссионной площадкой, где могли быть представлены аргументы либералов, оказался вопрос о судьбах российской пасторали, нет ничего удивительного в том, что эта «семейная» дискуссия приобрела форму т.н. аграрного вопроса, где под предлогом «борьбы с крепостническими пережитками», решался вопрос об ограничении власти монарха, а, следовательно, и появлением у подданных определенных прав (главным из которых было право частной собственности, глубоко чуждое социально-хозяйственным практикам крестьянской этики выживания [2, с. 203]). Сами же крестьяне, фактически, рассматривались инициаторами этой дискуссии лишь как аргумент, своего рода, инструмент, которым можно было шантажировать оппонента. Оставалось лишь выучиться управлять «русским бунтом», который едва ли не со времен волхвов институционализировался в рамках т.н. «аграрных беспорядков», остававшихся неизменным атрибутом российского социального пейзажа. Исследование сельского быта и структуры деревенских миров, должно было раскрыть механизм крестьянских выступлений, последовательно интерпретировавшийся как про-

тестные. Однако все попытки сторонников либеральных или социалистических идей мобилизовать крестьянство для исполнения роли передовых баранов на поле политических ристаний, фактически, провалились, а связанные с носителями вековой правды надежды изменить самодержавные практики управления оказались иллюзорными. Великий немой оставался еще и глух к призывам радетелей о благе народном. Особенно четко это проявилось в годы «Хождений в народ» и во время первой русской революции 1905-1907 годов, где крестьянство не проявило себя, но где в полной мере показал себя рабочий/пролетарский класс. После чего все внимание политический класс переключил на него и стал связывать именно с ним свои надежды на изменение общественного устройства государства.

Между тем, в сельском хозяйстве России со времен реформ Владимира Святого утверждалась система обмена взаимными неоплачиваемыми услугами, известная под именем «моральной экономики» [2, с. 205], объединившая землевладельцев, крестьян и государственную администрацию. Способ общинного крестьянского бытийствования, хозяйственная эффективность которого вызывала критику, а гуманитарная структура — раздражение прогрессивной общественности, отличался феноменальной устойчивостью, не протяжении веков обеспечивая выживание и воспроизводство земледельческого класса в России. При этом само крестьянство, составлявшее основу государственного тягла, оставалось — будучи одним из атрибутов российского социума, — настолько прочно вмонтировано в имперскую структуру, что никаким образом не могло выступать носителем антисистемной программы. Ее реализация, — как очевидно свидетельствует опыт советской истории, — оборачивается уничтожением крестьянского мира, экзистенциально чуждого социокультурной матрице классового общества. В их представлении все еще продолжала существовать система т.н. «моральной экономики», в общем-то, разрушенная в ходе Великих реформ.

Библиографический список

1. Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. / Под ред. Ю.С.Кукушкина. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1996. 526 с.
2. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 430 с.